

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ

КОНЕЦ «ЖИВОГО БЕСПОРЯДКА»

В статье прослеживается процесс трансформации социального капитала сельских сообществ России. Автор отталкивается от базовых характеристик жизненного уклада полувековой давности и затем, анализируя современные крестьянские нарративы, приходит к выводу о капитальном разрушении форм и параметров традиционного сельского существования. Омертвляющая рационализация и прагматизм — вот главные характеристики современных деревенских жизненных практик.

Ключевые слова: социальные и экономические действия, сельская повседневность, социальный капитал, община и общность, разрушение социальных норм

Конец беспорядка в социальном мире — это далеко не всегда начало порядка. Гармонии. Расцвета и прогресса. Бывает, что конец беспорядка — это явная потеря живых жизненных извилин и закоулков, утрата огромных объемов дышащей протоплазмы бытия. Кончился беспорядок — и пропадает прежний аромат существования, загрязняется и отшвыривается привычная бытийственная амуниция, высыхает и распадается в прах капиллярная сетка человеческих отношений и чувств.

Об этом и хочу рассказать, имея в виду российский сельский социум. Начну с личных воспоминаний, внутренне связанных, как мне кажется, с обсуждаемой здесь проблематикой. Более тридцати лет тому назад, осенью 1980 года в Саратове по решению Президиума АН СССР был создан Институт социально-экономических проблем агропромышленного комплекса АН СССР (ныне это — Институт аграрных проблем РАН). И в самый момент его открытия, когда в помпезном здании на проспекте Ленина собралось все областное руководство, когда из Москвы в Саратов спустился научно-административный десант во главе с самим Петром Николаевичем Федосеевым, членом ЦК КПСС, ответственным перед партией за все советское обществоведение, произошел весьма интересный диалог, свидетелем которого

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саратовского института Российского государственного торгово-экономического университета. Адрес: 410052, Саратов, ул. Международная, д. 24.

Электронная почта: vgarpe47@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 11–03–00760а.

был среди прочих и я. Волею судеб меня в тот момент назначили заведующим сектором вновь созданного академического учреждения.

Так вот, разговаривая с тогдашним директором ИСЭП АПК АН СССР, профессором В.Б. Островским, Петр Николаевич Федосеев сказал: «Если через несколько лет мы на прилавках Саратова и других провинциальных городов сможем увидеть 15 сортов колбасы, считайте, что ваш институт оправдал доверие партии и народа! Обеспечивайте продовольственную программу СССР научно!..» Владимир Борисович Островский, разумеется, одобрительно закивал в ответ, но тотчас вернул мысль о более широких задачах Института, о формировании новых подходов в сфере социально-экономических исследований советского села. П.Н. Федосеев чуть поморщился и строго заметил в ответ: «Это, конечно, так, но колбаса — главное для народа!»

Прошли годы. «Главного для народа» продукта — колбасы и прочей гастрономии — сегодня в избытке не только в Саратове, но и любом райцентре. Но, как и тридцать лет назад, Институт аграрных проблем РАН продолжает исправно функционировать, выстраивая и обосновывая очередные программы и модели развития агросферы. Супермаркеты забиты сверкающими упаковками с сомнительными, чаще всего, привозными харчами. А нынешнее российское село (за исключением нескольких южнорусских территорий) все заметнее тонет во мгле бесхозяйственности, все быстрее уходит внутрь себя, сворачивается до считанных изб с мерзнущими стариками, и, вопреки поэту Н. Рубцову (помните его берущие за душу стихи 1965 года — «В этой деревне огни не погашены, ты мне тоску не пророчь!»), все чаще гасит свои печальные дрожащие огни. И гасит, кажется временами, навсегда.

Что же случилось? Почему, в целом решив проблему «продовольствования» народа, накормив отчаянно голодных и стремительно создав толстеющий слой сытых (причем сытых гурмански, сытых изощренно и вызывающе²), Россия столкнулась с некими финальными

² Объявление в новостном ресурсе города: «В Саратове откроется супермаркет для ценителей высокого качества жизни (11 февраля 2011, 10:48). В Саратове в магазине “Пентагон” вскоре откроется “Зеленый Перекресток” — супермаркет для посетителей, ценящих высокое качество жизни. В нем будут предлагаться тысячи деликатесов со всех концов света для ценителей изысканных блюд и здоровой пищи. Основное внимание в супермаркете отводится категориям “свежие продукты” — фруктам, овощам, свежевыжатым сокам, парному мясу, охлажденной рыбе и морепродуктам, молочной продукции и сырам, готовым блюдам из собственной кулинарии, в том числе вегетарианских, суши и роллам, ингредиентам для приготовления восточных блюд дома. Для любителей

сценариями деревенского существования. Сценариями отчаянными. Почему нынешняя деревня пустеет и как именно она пустеет? Попробуем ответить на этот вопрос. Но вначале подчеркнем, что нас будет интересовать здесь не демографический (счетно-цифровой), но именно социальный смысл, ракурс происходящего. Деревню мы будем рассматривать не столько как вместилище людей, сколько как особо устроенный социум, как пространство социального существования, жизни «на миру».

Для более отчетливого понимания сути начну несколько издалека. В 1957 году, незадолго до смерти, поэт Николай Заболоцкий написал одно из своих самых «социологических» стихотворений. Надо заметить, что вторая половина 1950-х годов — это особое, изъятное из иных времен, пространство жизни этого художника. В это время Н. Заболоцкий, отдыхая телом и душой после дальневосточной каторги, а потом и ссылки в Алтайский край и Караганду, полной чашей вкусив отнятости простейших житейских нужд (тепло, еда, рукавицы) и поняв их подлинную «роскошь», пристально всматривался в подробности «пленительной шушеры» (как выразился А. Тарковский) ежедневного бытия окружающих его людей. Точность и стереоскопическая глубина жизненных картин Н. Заболоцкого буквально поражают. Эти картины много говорят об устройстве тогдашней жизни — социум предстает в них в его принципиально важных, фундаментальных измерениях. «Пегухи поют», «Слепой», «В кино», «Ходоки», «Некрасивая девочка», «Я не ищу гармонии в природе», «Я воспитан природой суровой...» — вот кратчайший список таких образных молекул-конструкций-обобщений. И среди подобных великих текстов особенно выделяется стихотворение «Стирка белья». Вот его начало:

В стороне от шоссейной дороги,
В городишке из хаток и лип,
Хорошо постоять на пороге
И послушать колодезный скрип.

Безыскусная, но хищная внимательность Н. Заболоцкого, его умение мгновенно увидеть и прочно зафиксировать в образном слове формы и нормы человеческого существования, дают нам возможность понять слаженную, устоявшуюся организацию социального бытия заоколичной, глубинной, корневой России.

элитных вин — специальная климатическая комната, где представлен большой выбор алкоголя из разных уголков земного шара) (<http://news.sarbc.ru/main/2011/02/11/107499.html>).

Здесь, среди голубей и голубок,
Меж амбаров и мусорных куч,
Бьются по ветру тысячи юбок,
Шароваров, рубах и онуч.
Отдыхая от потного тела
Домотканой основой холста,
Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.
И виднелись на ней отпечатки
Человеческих выпуклых тел,
Повторяя в живом беспорядке,
Кто и как в них лежал и сидел.

О чем идет речь? Конечно, прежде всего, — о стирке как хозяйственно-гигиенической процедуре. Но еще в большей степени — о сельской вселенной, о мощной жизненной стихии, о повседневном кругообороте больших и малых дел и забот, о порядке и устройстве социально-экономического бытия, где каждой вещи и каждому процессу есть и место, и время, и смысл, и неписанные, от века установленные правила и идеалы скромного, но полноценного существования. Как раз об этом и пишет дальше поэт:

Я сегодня в сообществе прачек,
Благодетельниц здешних мужей.
Эти люди не дают лежачих
И голодных не гонят взашей.
Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде...

***

Представляется, что именно это место из стихов Н. Заболоцкого дает нам возможность утверждать: они, кроме всего прочего, написаны о том феномене, который в современной социологической науке принято называть «социальным капиталом». То есть о незримой для поверхностного взгляда, но весьма устойчивой системе отношений, продуцирующих особые социальные действия. Именно так определяется социальный капитал в его исходной проекции. Как известно, систематический анализ социального капитала был осуществлен П. Бурдьё. Он первым установил, что «капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, может выступать в форме социального капитала, образованного социальными обязательствами («связями»») [4]. Таким образом, социальный капитал — это некий запас, определенная сумма существующих в реальности (или потенци) ресурсов, базирующихся на том, что они размещены в прочной и

существующей длительное время системе (сети) отношений, в которых доминируют знание о партнере, уважение и признание. Эта система отношений существует именно в повседневных социальных практиках, в формах материально-экономического или духовно-символического обмена.

Социальный капитал ощущается и полноценно играет свою партию тогда, когда повседневные отношения между людьми программно нацелены на облегчение и некую «беспрепятственность» (организационную, технологическую, моральную) совместных действий. В этом ракурсе социальный капитал — это неощущаемая, с трудом улавливаемая, но постоянно дышащая жизненная атмосфера. Социальный капитал не вопит и не голосит, но имеет собственную инфра- и ультразвуковую дикцию. И в этом его специфичность. В этом его сокровенность и продуктивная спрятанность. Скажем, физический капитал осязаем чувственно, он шупается и разглядывается, поскольку явно воплощен в материальные объемы и формы. Человеческий капитал менее ощутим, поскольку упакован в навыки, умения и знания, демонстрируемые, когда это потребуется, но все же автоматически предугадываемые. Мастер имеет свой облик, повадку, породу.

А социальный капитал — невидим, как воздух. Он собирает в своих объемах и запасах отношения между людьми — те сетевые импульсы и процедуры, которые необходимы для построения и воспроизведения длительных, полезных, доверительных отношений. Воспроизводство социального капитала предполагает непрерывающуюся работу по установлению социальных связей, непрерывные серии обменов, в ходе которых признание постоянно подтверждается. Социальный капитал — это совокупность отношений, порождающих взаимопользные, взаимонацеленные социальные действия. Социальный капитал по мере расходования имеет тенденцию к возрастанию и расширению, поскольку чем интенсивней практика кооперации и взаимовыручки, тем прочней и эффективней сети солидарности и значительнее масса взаимного доверия. В отличие от иных разновидностей и воплощений (например, капитал культурный, человеческий, символический), социальный капитал вовсе не является неким персональным свойством, личной характеристикой, уникальным атрибутом отдельного человека. Объективированную базу социального капитала образуют разветвленные сети социальных и экономических связей, которые служат и для передачи информации, и для экономии и рационального использования ресурсов, и для результативного введения субъекта в систему правил поведения, и для формирования репутаций. Измеряться социальный капитал может посредством фиксации степени включенности социального субъекта в те или иные сети, а также с помощью аналитического описания данных сетей — их

пространности, плотности, напряженности и проводимости сетевых контуров и связей³. Социальный капитал может быть продемонстрирован и феноменологически, языком художественных образов — как это сделал Н. Заболоцкий.

Современные авторы, отталкиваясь от продуктивных представлений П. Бурдье и Дж. Коулмана, подчеркивают «неуловимый», не схватываемый взглядом характер социального капитала по сравнению с другими формами капитала. В то время как экономический капитал лежит на банковских счетах и в ценных бумагах, физический капитал генетически «вмонтирован» в тело субъекта и воплощен в форме силы, красоты и ловкости, а человеческий капитал находится в головах людей и проявляется в речи и мышлении — социальный капитал дислоцирован «между». Он присущ социальной структуре взаимодействий. Он связывает и разделяет людей. Он рассредоточен в социуме, подобно элементам сложного пазла. Собирать его — коллективное умение, носимое каждым субъектом. Социальный капитал — понятие, выражающее некий феномен, который актер постоянно должен соразмерять с окружением. И со временем — как разветвленной исторической драматургией, так и несложной схемой ожиданий, предвидений и опасений.

Можно полагать, что «социальный капитал» в этом смысле представляет собой полноценный теоретико-методологический аналог категории «социального пространства». Нам представляется, что *differentia specifica* социального пространства заключается в том, что данная форма социального движения материи выступает в качестве феномена, в котором просматривается более или менее тесная сопряженность, взаимодействие модусов социального времени. В этой форме общественного развития объективно сосуществуют, удерживаются, сохраняются, оказываются одновременно вовлеченными *прошлое* (коллективный опыт, отстоявшийся в системе знаний, умений, навыков, материально-вещественных элементов, образцов и традиций деятельности, поведения), *настоящее* (коллективный труд как использование этого опыта и процесс творчества новых форм, образцов и результатов деятельности) и *будущее* (общественно необходимые реальные возможности, планы, проекты, а также намерения, надежды, мечты вместе с намечающимися или пока еще неизвестными путями и средствами их осуществления). Сосуществование модусов социального времени представляет собой определенный, более или менее широкий («пространный») круг вещей, событий, действий, ожиданий и предвосхищений, который задает общественному субъекту

³ Подробнее о характеристиках социальных сетей см., например, [3], а также [7, 6, 2, 5, 1].

способы и масштабы его деятельности и в то же время сам задается характером этой деятельности — ее масштабностью, ориентированностью и дальновидностью.

Социальное пространство оказывается своего рода «хранилищем», арсеналом потенциалов, более или менее реальных, более или менее готовых к практическому развертыванию. Социальное пространство содержит в своих исторически изменчивых контурах прошлое — то состояние объекта, которое когда-то было настоящим, но затем трансформировалось в прошлое социальное время, поскольку ему на смену пришло настоящее и отодвинуло это прошлое в основание, обозначив его определенные, со временем приобретающие новые очертания, грани. В него входит будущее, находящееся впереди в хронологическом ряду, но существующее (уже как время социальное) в виде зародышей, предпосылок, различных форм предвидения и опережающего отражения действительности в настоящем. Оно включает в себя настоящее как определенный итог развития и одновременно указание на будущее, равно как и на прошлое — на те возможности, которые остались по тем или иным причинам нереализованными. Взятые в пространственном аспекте эти модусы времени вступают в отношения сосуществования как самостоятельные компоненты социального пространства.

Исходя из аналогии социального капитала и социального пространства, можно полагать, что параметры социального капитала можно обнаружить лишь в их динамическом развитии, в их эволюции. Иначе говоря, необходимо систематически фиксировать моменты изменений системы связей и отношений, образующих «тело» социального капитала. А эти изменения можно проследить, зная прошлое состояние рисунка связей и, так или иначе, прогнозируя, предвидя или же конструируя их будущую схему. Таким образом, «социальный капитал» как аналитическая проекция полноценно действует только тогда, когда аналитик опирается на исторические разыскания в той или иной предметной области и, одновременно, пытается нащупать тенденции, работающие сегодня и предсказать состояния, ждущие нас завтра.

***

Определенная работа по анализу состояния и динамики социального капитала была проведена в рамках двух крестьяноведческих проектов-экспедиций, организованных на рубеже XX и XXI веков Интерцентром Московской высшей школы социальных и экономических наук. Это исследование было инициировано и организовано Теодором Шаниным. В ходе полевой работы и камеральных аналитических процедур мы убедились, что сети межсемейной поддержки — это то место, где социальный капитал наиболее обнаруживаем, заметен и

результативен. Динамика капитала может быть прослежена именно в сетях взаимодействия и поддержки.

В общем понимании, социальные сети отражают первичную солидарность и являются собой один из планов репрезентации социального действия. Феноменологическое воплощение сетей состоит в том, что они удерживают и хранят сообщество связанных между собой семейств, которые на добровольных началах обмениваются материальными благами и услугами в течение достаточно продолжительного времени на определенном, значимом для членов сети, уровне. Что именно производит сеть? Сеть межсемейной поддержки дает её членам ощутимую экономию ресурсов, способствует их выживанию или продвижению. Сеть дает кумулятивный эффект совместных усилий, который распространяется не только на данный момент, но и на достаточно отдаленное будущее.

Сеть межсемейной поддержки не рассчитана на одноразовое использование. Многократные неформальные обращения людей друг к другу взамен одномоментной безличной схемы «купил–продал» обеспечивают стабильность отношений и контактов. Важной характеристикой межсемейных сетей служит отсутствие демонстративного стремления к точно просчитанной экономической эквивалентности обменов. Но вместе с тем социально-культурная система общения и родства в немалой степени подчинена механизмам точно регулируемой и просчитанной «возмездности». Здесь действует рациональный принцип: если ты кому-то помог, то это необязательно тут же будет «оплачено», но «расчет» непременно произойдет — либо действительной помощью в будущем, либо уважительным отношением и признанием. Тем самым формируется механизм взаимной страховки на случай невыполнения отдельными участниками своих неформальных обязательств в системе обменов.

Этот «повседневный “сетевой мир”», мир крестьянских обменов и дарений весьма необычен для стороннего наблюдателя. В один из очередных заходов в социологическое поле, когда я приехал в село для контроля записей в розданных загодя бюджетных таблицах, я с удивлением заметил, что мне огромных трудов (уговоров, увещаний, порой — слезных просьб) стоит побудить респондентов фиксировать в их бюджетных бланках факты и «размерность» непрерывных повседневных трансакций — чем люди обменялись, что подарили и дали, как и чем подсобили-помогли.

А узнать об этом было очень важно. Как мы узнали позже, посчитав цифры, — из месяца в месяц объем взаимных обменов, дарений, трудовых услуг составляет чуть ли не четверть общего бюджетного оборота семейного хозяйства. Однако эти достаточно мощные и ощутимые потоки ресурсов систематически не фиксируются. Не ведутся

записи, не считаются проценты, не запоминаются специально факты отдачи и получений. Поэтому приходилось буквально «выколачивать» из респондентов подобного рода сведения и, сидя вместе с ними над бюджетной таблицей, не только регистрировать натуральную форму, но и пытаться посчитать денежный эквивалент взаимных обменов, даров и «помочей».

Проблема в данном случае не столько в скрытности информантов. Этот момент можно довольно быстро преодолеть. Мол, «мы — наука, нам это нужно!..» И этого аргумента хватало. Но проблема-то в том, что все эти обмены и дарения расцениваются крестьянами как нечто несущественное, второстепенное, неважное. Вернее, так: эти обмены и взаимопомощь не опознаются респондентами как значимый факт их повседневного существования. «У нас так сроду ведется, — чего уж тут калякать и разбираться...» Данный вид неформальной экономической практики дислоцируется в крестьянской повседневности как общая жизненная атмосфера, как воздух. Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты. Таким образом, обмены — это прочная, устойчивая, вещественная форма экономической жизни микросообщества, имеющая определенную размерность. Но в сознании людей она (если нет специальных усилий социолога-наблюдателя) не прощупывается. Она систематически исчезает, сливается с грунтом бытия, существует как некий фантом, который приходится извлекать, ловить, специально вытягивать из жизненного раствора. Факты обменов и дарений для крестьян есть некая объективная атмосфера бытия, некая естественная смазка суставов повседневности, некий медикамент, народное снадобье социального здоровья, психологического уюта и безопасности партнеров по обменной сети.

Все, что было сказано выше — лишь теоретический, понятийно-дефинитивный аналог тех элементарных, но и прихотливых социальных констелляций, которые Н. Заболоцкий обозначил в своем стихотворении как «живой беспорядок». «Повторяя в живом беспорядке, кто и как здесь лежал и сидел...» И, добавим, — трудился, отдыхал, праздновал, помогал, заботился, здоровался и прощался... В общем, — жил.

Живой беспорядок бытия, замеченный и названный поэтом — субстанция, несомненно, животворная. Это — своеобразная «*natura naturans*», «природа порождающая». И если развернуть эту проекцию в социальном аспекте, то этот живой беспорядок бытия и есть некая социальная природа, порождающая устойчивый и саморегулирующийся механизм дальнейшего разворачивания любой человеческой жизни. В частности, жизни провинциальной, жизни деревенской.

Теперь посмотрим, что же такого в устройстве общего бытия произошло, что вынудило нас назвать данный текст несколько

пессимистично. Анализируя параметры социального капитала в российской деревне конца XX-го столетия, мы пришли к некоторым выводам, которые сейчас изложим, — чтобы затем рассказать о современном состоянии интересующего нас феномена. Итак, анализ нарративов, записанных в рамках наших полевых экспедиций, приводит к выводу, что социальный капитал, выражающийся в феноменологии повседневных отношений крестьянских дворов той поры — интересная, но весьма болезненная для респондентов тема. В отличие от более или менее объективной картины колхозного и доколхозного прошлого, воссозданной в крестьянских рассказах, мнения их о настоящем очень пристрастны и горестны.

Говорят они, по существу, о распаде нравственности, об утрате традиций соседского общения и взаимопомощи, о злобе и зависти, прочно разгородивших семейные крестьянские дворы. Причем подчеркнуто отрицательная оценка новейшего времени отмечается во всех тех регионах, где записывались крестьянские интервью. Ради правды надо сказать, что социальная норма все-таки несколько уравновешивает патологию. Видно, что участливость, сердечность и доброта не исчезли из деревенского будничного обихода. Хотя многое услышанное от самих крестьян обескураживает и огорчает. В негативизме крестьянских оценок картины отношений новейших дворов отчетливо прорисовывается как реальность, так и состояние сознания сельского населения, внезапно оказавшегося в необычной социально-экономической ситуации, попавшего в реформаторскую ловушку. В этой жизни — почти всё немилло. И деревенские старики хорошо понимают, что из этой печальной ситуации им уже не выбраться никогда, — их жизненный ресурс на последнем исходе. Волнуются они за судьбу своих детей и внуков. Отсюда — и постоянные срывы в невротическую раздраженность, и систематическое приукрашивание минувших жизненных порядков, и недоумение, и растерянность перед жесткой новизной рыночных отношений. Разорванность нынешних соседских связей — вот что более всего обращает на себя внимание при систематизации устных крестьянских историй. Вот характерный пример.

«Раньше люди дружнее жили. И не только соседи, а весь хутор был дружный. Сейчас-то все богатые стали. И все злые и ненавистные! А когда люди победнее были, они друг друга уважали и друг другу помогали. Сейчас никто почти друг к другу не ходит. А раньше всю зиму, считай, дома не бываешь: всё по людям ходишь, разговариваешь. А сейчас? Чуть солнышко закатилось, скорей-скорей двери закладываешь. Да еще телевизоры завелись. Зажгут их и сидят как пеньки. А раньше ходили друг к другу. Мы жили на Красеньком, по ту сторону речки. Там

было семнадцать дворов. И все эти дворы одной косилкой косили! И меж собой ладили! А косилка та была у двух хозяев — одна на двоих. Но косили, считай, все. Уступали друг другу, помогали. Все поломки, все ремонты вместе делали. А сейчас?! Один на другого косится. Ругаются, не ладят. Ну разве это дело?! Зачем ругаться, когда человек один раз на свете живет? Как ни ругайся — завтра все равно помрешь. Сейчас в деревню выйдешь ночью — ни-ко-го нету! Прямо робость берет. И никуда со двора не шагнешь, — вдруг какие-нибудь дурачки нападут! Вот такая настала жизнь! Страшная!» (Хутор Атамановка Волгоградской области. Карасев.)

В отношении новейших дворов все больше начали входить криминальные моменты. И в этом проявляется уже такая степень отчуждения, разорванности дворов, за которой вполне может последовать развал деревни как крестьянского микрокосма, как сообщества людей одной социально-экономической судьбы. Это — реальная опасность, миновать которую можно не путем укрепления правопорядка, а лишь с помощью новой схемы кооперирования дворов, включения их в систему рыночных связей сначала на микрорегиональном, а впоследствии и на более высоком уровне. Крестьянское семейное хозяйство хорошо работает тогда, когда оно открыто внешнему миру, когда в нем нуждаются. Когда же оно направлено на путь самовыживания, когда оно игнорируется властями как самостоятельная производственная единица — неизбежны «выбросы» инстинктивного негативизма в форме воровства, невосприимчивости к нуждам и бедам соседей, систематических словесных перепалок и жестокого рукоприкладства.

«Раньше у нас судьи не было. И милиций не было. Один урядник. И мужики сами распоряжались — наказывали тех, кто озоровал. А сейчас?! Какие там соседские отношения, о чем ты калякаешь?! Это стыд-позор! Я, вот, ему (кивает на соседский дом забором) — ни хрена не доверяю. Ведь мы с ним только и знаем, как бы чего-нибудь спереть друг у друга! Что это за гадость такая! А ведь это из колхоза пошло, милый мой! Ведь в колхозе работают те, которые воруют. Потому что нам в колхозе ничего не дают, постоянно окорачивают да обещают. Вот и приходится воровать. Жить-то надо! Кормиться надо! Ворует...» (Село Тепловка Саратовской области. Воротников.)

Такова общая картина. Она, как представляется, верна лишь приблизительно. Но её основные детали указывают на некие существенные сдвиги, происшедшие в нынешней деревенской жизни. А именно: человеческие связи рвутся, распадаются. И в труде, и в соседском

общении, и в быту. Что же приходит на их место? И что может прийти? Будущее покажет. А пока же крестьяне сами дают нехитрый русский ремонт своим утомленным жизнью душам.

«Сейчас — нехорошая жизнь! Сейчас все чего-то дожидаем плохого. Кабы не было этого проклятого телевизора, так меньше слышали бы про плохое! Сейчас старух много в селе. Сидим, сидим, да кто-нибудь возьмет и догадается: “Давайте складёмся да выпьем!” Тотчас одного за водкой посылаем, а другие бегут до дома за тряпками. Вот так и живем, так и дружим». (Село Александровка Алтайского края. Беза.)

Таким образом, аналитический итог заключается в том, что нами была зафиксирована системная картина постепенной, растянутой на десятилетия, трансформации междворовых отношений в направлении их частичного или полного распада. Иначе говоря, наблюдается не что иное, как трансформация «Gemeinschaft'ных» социальных связей преимущественно в «Gesellschaft'ные». Но именно — преимущественно, поскольку (как свидетельствует последний из процитированных крестьянских нарративов) в пределах данного социально-территориального сообщества остаются некие связи, неуничтожимые и функционально специализированные. Подобного рода связи и образуют тот каркас социального капитала, который, принципиально, никогда не может быть растрочен до нулевых показателей. Социальный капитал обитает в сетях межсемейной поддержки. Сети всегда наличествуют в социальных практиках. Динамика социального капитала обнаруживается в эволюции сетей, когда на место утрачиваемых связей выдвигаются вновь образованные.

***

Что же происходит в последнее время? На рубеже «нулевых» и «десятих» годов нынешнего века в сельском социуме России уже окончательно обозначились и прояснились некие сдвиги, завершившие довольно долгий по времени и унылый по социальным ощущениям процесс деформации социального капитала.

В чем она заключается? А вот в чем. Кроме всего прочего, сети межсемейной поддержки создают идеальную атмосферу для «выкручивания», для «неформальных» экономических практик участвующих в них социальных субъектов. «Хочешь жить — умей вертеться!» И такого рода совместное «верчение» систематически наблюдалось вплоть до 2003–2004 года, то есть в течение самого драматического и наполненного жесткими социально-экономическими испытаниями отрезка истории России.

Но уже в конце последнего десятилетия начинают появляться некие эволюционные сдвиги, которые сигнализируют о формировании

новой картины «неформального», и в частности, модернизированной схемы межсемейной поддержки и нового рисунка социальных связей. В одном из социологических интервью, записанном в южнорусском социуме, отчетливо звучат новые, небывалые прежде, настроения. Они говорят о том, что происходит та самая «формализация неформального», та самая «институционализация спонтанного и несистемного», которые были столь характерными для сферы неформальной экономики последнего десятилетия XX века. Приведем цельный фрагмент упомянутого интервью. Этот текст уникален. Он содержит в себе как подлинную, плотную феноменологию, так и попытки теоретически объяснить происходящие эволюционные сдвиги.

«Респондент: *Четыре дня назад у нас в станице разбился парень. Его звали Николай, он был шофером. Я незадолго перед его смертью просил у него, чтобы он для меня свеклу сахарную в колхозе украл и мне привез — нутрий кормить. Он вырос при мне, на моих глазах. Попросил я его насчет свеклы, и он мне ответил: “Дядя Миша, никаких проблем! Вот чуть управлюсь с делами и привезу...” И не успел привезти. Разбился насмерть на машине. И меня осенила вдруг одна мысль. Мы со многими росли вместе, учились. Один стал бригадиром, другой заведующим, третий механиком, четвертый — агрономом. Я же работал в газовой отрасли и довольно неплохо работал. Когда-то все они ко мне обращались, в то время когда строились: “Помоги с цементом, с трубами...” Я им помогал — доставал, тащил, привозил. И они с моей помощью вставляли на хорошие ноги, дома себе и своим родичам отгрохивали. И они мне помогали — с кормами, с техникой. И вот сейчас, после смерти Николая, я задумался. Раньше у меня в первой бригаде все были свои. Мовчан, нынешний бригадир, правда, чужой, пришлый. К нему просто так не придешь. Не попросишь — “помоги!” А прежний бригадир, Сергей Гетьман, был в доску свой. Плюс к этому — он дальний родственник жене моей. И к тому же Сергей вырос на моих глазах, в Привольной. Теперь пойми меня правильно. В то время, в прошлое время — все люди у меня были свои, в бригадах. Наступило другое время сейчас. Вот, недавно из Четвертой бригады выгнали бригадира, Ивана Корсуна. Поставили молодого пацана, Садковского. И всё! Кончился у меня доступ в Четвертую бригаду. Дальше. Вторая бригада, бригадир — Николай Жук. Он вырос вот здесь, за углом. Его на пенсию отправили. Раньше-то я во Вторую бригаду поеду, на кукурузу набег сделаю. Коля Жук меня встречает и говорит: “Миша, ты иди в глубину, ломай там, подальше...” Он меня не ограничивал в добыче, потому что он — свой. Он — одной*

судьбы со мной человек. Он меня мог, конечно, обругать, если я чересчур много в бригаде украдал. Но — не наказать! А сейчас мне туда, во Вторую бригаду, вход тоже закрыт. Так что не успел я оглянуться, молодежь выросла, поднялась на ноги, начала заниматься своими жизнями. Она цепляется за жизнь, эта молодежь, но мне в этой ихней жизни уже нет места. Нет теплого и удобного места! И вот я сижу и думаю: “О-о, ё-мое, я еще толком не жил, а уже оказался не у дел!” Меня уже потихоньку из нынешних связей и знакомств оттесняют. Время пришло — и меня на обочину выкидывают. И не люди это делают, а время. Время, которое сменилось. Я приеду к такому — он меня, конечно, знает. Он мне, конечно: “Дядя Миша, здорово!” Но он меня не знает так, как меня знавали его отцы. Я не могу при нем материться, то есть свободно разговаривать, — мне как-то стыдно. Мне стыдно идти к нему что-то просить. Мне стыдно, со своим опытом и со своей биографией, перед ним унижаться — дай, мол, мне! Был бы я таким, как это сказать, — черным, униженным человеком, который ни о чем не думал и жизнь свою дуриком прожил, — тогда бы еще ничего. Можно было бы этому молодому поклоняться, поклончуть униженно что-то для себя. Но я ведь прожил жизнь крепко, никому плохого не делал, жил для себя, и жил для других, пользу людям приносил. Я становлюсь в нынешней жизни более одиноким. У меня уже нет таких связей и контактов в нынешнем мире. Так же и в других делах. Возьмем медицину. Меня раньше могли провести без очереди до любого врача. Это делала Екатерина Степановна, моя старинная знакомая. Вчера поехал до врачей — всё! Екатерины Степановны нет уже, она на пенсии. И мне надо уже в очередь садиться на полдня. Так что сейчас куда ни кинешься, куда ни толкнешься — всё! Уже многие возможности обрезаны. И я уже должен идти как все люди, через стандартный вход. А у нас в крови нет такого, чтобы ждать, просить, объяснять. Мы привыкли все дела делать по знакомству, по благу, так сказать. Я, конечно, могу до той Екатерины Степановны поехать домой, зарезать для нее утку, взять десяток яиц, и она меня дома у себя примет со всеми моими болячками. У нас с ней нормальные отношения остались. Но! — уже по общему приспособлению к жизни я на данный момент как-то теряюсь. Я не могу себя перестроить к этой надвинувшейся вдруг жизни! Пойми — не могу! Понимаешь?! Жизнь сейчас наступает совсем другая, и я не могу ее понять. Раньше эти связи были неформальные. Допустим, ты мой кум, и я иду к тебе. А у кума есть знакомый. И он

мне делает, что нужно. А сейчас — мало того, что я знаю друга кума. Сейчас недостаточно, что я просто его знаю, а он знает меня. Сейчас — давай, золоти ручку. Или же как-то приспособляйся. Но все равно — давай! За каждый шаг в нашем современном мире ты должен заплатить. Так что мы в интересное время живем. Ведь сейчас приходится через колено ломать свою, вкоренившуюся уже в кровь, систему. Систему личных связей между людьми. А сейчас вся эта система ломается. Раньше эта система связей была как клубок. А сейчас этот самый клубок будто бы моль побила — ниточку потянешь, а она — пык! — оборвалась. Все! А раньше все в этом клубке было сплетено, и нитка была целая и крепкая.

Интервьюер: А если взять новое поколение, поколение детей. Как у них дело обстоит относительно этого клубка?

Респондент: Да нет, у них уже не то, что было раньше. Глядя сейчас на ихние отношения между собой, я настроен скептически. Нету того, что было у нас раньше. Раньше люди были спаяны. Мы и дрались край на край. А сейчас не дерутся. Сейчас более культурно всё. Но всё это — как-то холодно, расчетливо. Сейчас жизнь не позволяет быть людьми одной судьбы, людьми спаянными. Мало того, что в Привольную понаехало много чужих, процентов тридцать, — былых связей между людьми нашими, коренными, не стало. Нет былого единства и взаимопонимания! И сейчас я просто нутром понимаю, что наступает переходной период. От спаянности к разрозненности. И, честное слово, становится страшно. Я сейчас, действительно, начал бояться. Хорошо, что сын Женька со мной пока живет. А как только Женька уйдет, — всё! Я останусь один. Мне некуда будет пойти, потому что друзей старых не остается. Раньше с одного клубка в другой этот дух общения, эти связи как-то передавались. Поколения жили своими связями. Старое уходило, но одновременно их подпирала другие, которые образовывали свой собственный клубок. Но ниточка между разными клубками — старым и новым, — ниточка та не рвалась. Она была скручена не нами, а нашими дедами. И она как бы по наследству нам доставалась, и мы ту ниточку дальше крутили, дальше тянули, в будущее. Ниточка та растягивалась, но она не рвалась. А сейчас этот клубок — мой клубок — он насквозь молью побился. Он разъедается вот этой нашей жизнью, вот этими самыми идеями, вот этими самыми перестройками. Если его потянешь сейчас, то он разлезется. Все ниточки в нем стали поврозь. Всё побилось. Нитка кончилась — иди, плати! Или так: нитка кончилась, — иди искать ее продолжения. Иди искать нужный тебе

конец. Не нашел, значит — всё. Нашел продолжение — опять кусочек вытянул, опять живешь. Не нашел — плати! Раньше мы орудовали не своим, а чужим, государственным. И нам не жалко было чужого. Своего же — жалко. Но главное — тогда не надо было искать какие-то связи. Не надо было договариваться, уловливаться. Не надо было делать крутой замес, для того чтобы эти тонну свёклы до дому привезти. Всё было раньше неформальное — держалось на слове, на простом обещании, на дружбе, на общей судьбе. А сейчас всё это перестает работать. Сейчас всё это требует формального подхода. Требуется расчета. Требуется того, чтобы доли соразмерялись. Чтобы тебе не досталось больше, чем мне, а мне — чем тебе. И я никак не могу крепко зацепиться за эту новую жизнь. Вот, я тебе дал банку варенья, а ты мне привез банку грибов. Мы ж с тобой не думаем, что дороже, что весомей! Мы ж не переводим это на грёби. А нынешняя жизнь заставляет думать об этом! О том, чтобы каждый был обязательно доволен. Чтобы мы с тобой были обязательно в расчете. И — в ровном расчете. И вот это вот — страшно. Раньше-то не надо было сопоставлять полученное и отданное, а сейчас — сопоставлять надо. Жизнь заставляет...» (Станица Привольная Краснодарский край. Голуб.)

Таким образом, в размышлениях этого умного и наблюдательного человека выразительно воплощается феноменология движения от неформального к новому неформальному, в котором в исторически короткие сроки сложилась целая система правил и норм, делающих неформальное новым социальным институтом. И, что примечательно, формализация неформального происходит, прежде всего, в сетях — межсемейных, межсубъектных, межхозяйственных. Итак, динамика социального капитала в составе повседневных хозяйственных практик сельского населения проявляется не столько в исчезновении былых параметров социального капитала, сколько в его заметной реконструкции и, если так можно выразиться, переформатировании. Социальный капитал не утрачивается, а начинает выражать новое содержание, связанное с окончательным поворотом общества к его «Gesellschaft'ным» характеристикам.

***

Что ж, будем тужить и плакать? Будем страдать по ушедшему? Но на страданиях и огорчениях далеко не уйдешь. Нет ничего окончательно завершеного, раз и навсегда сделанного и застывшего. Особенно — в мире социальном. Надежда на лучшее остается.

В упомянутом выше стихотворении Николая Рубцова есть такой знак надежды — светлой, упорной, но до отчаяния горькой. Вот эти слова:

Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг? (1965 г.)

А выдумало и бесповоротно заявило об этом наше, нынешнее время. Время относительной потери надежд. Время исторического отчаяния для людей советской выделки. Время, когда живой беспорядок бытия явно заменяется и местами уже совершенно заменился другим беспорядком. Но беспорядком не столько *живым*, сколько *живучим* — живучим зацепливо, яростно, бесцеремонно и настырно.

Хорошо ли это? Поживем — увидим. Но кое-что уже понятно. Речь вот о чем. «Живучесть» как категория бытия весьма поучительно определена Владимиром Ивановичем Далем. По Далю, «живучий» — тот, кто долго живет, нелегко, нескоро умирает, кого трудно убить или уморить. Как всегда у Даля, любое слово иллюстрируется народными присловьями и фразеологемами. Вот что отобрано им для словаря: «нет живучее кошки да ежа», «он живуч, как кошка; его сразу не похоронишь», «долги живучи»...

Лучше народа не скажешь...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Градосельская Г.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. №1–2. С. 156–163.
2. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
3. *Радаев В.* Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2002. С. 169–172.
4. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J.G. Richardson. New York: Greenwood. 1985. P. 244.
5. *Coleman J.* Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement. P. 95–120.
6. *Lin N.* Social capital: A theory of social structure an action. New York: Cambridge University Press, 2000.
7. *Social capital: Critical perspectives / Ed. by S. Baron, J. Field, T. Schuller.* Oxford: Oxford University Press, 2000.